

Все более растет в наши дни интерес к наследию одного из величайших армянских поэтов—Егише Чаренца. Свидетельство тому—новые и новые статьи, исследования, монографии, характеризующиеся стремлением глубже осмыслить и раскрыть сложное, многогранное творчество поэта в его многообразных связях с эпохой, с традициями армянской и других литератур, привлекая новые факты, архивные материалы, свидетельства современников. В ряду таких работ стоит и недавно вышедшая в свет книга Г. Ананяна «Егише Чаренц и русская литература». До сих пор исследователи затрагивали лишь отдельные аспекты данной темы. Монография Г. Ананяна—первая попытка ее целостного, всестороннего изучения, и в этом—несомненное научное значение его книги.

Обширные связи Чаренца с русской литературой Г. Ананян изучает с учетом всего того, что уже было сделано в этой области. В предисловии к книге он проследивает историю освещения в армянском литературоведении ряда проблем: «Чаренц и русский символизм», «Чаренц и Маяковский», «Чаренц и Пушкин» и др. Соглашаясь или полемизируя с различными мнениями, выдвинутыми в свое время критиками, автор одновременно очерчивает круг вопросов и задач своего исследования.

У Ананяна—свой подход к теме. Стремясь к наиболее глубокому раскрытию темы «Чаренц и русская литература», он подробно анализирует творчество поэта, привлекает материал русской литературы в той мере и последовательности, в какой он оказывал воздействие на Чаренца-художника, на развитие его идейно-эстетических убеждений. Ведь Россия с ее исторической судьбой, с ее революциями, с ее классической и современной культурой вошли в жизнь Чаренца не как нечто эпизодическое, переходящее: она была неразрывно связана с его биографией, с судьбой народа, со всей его поэзией. Поэтому прав исследователь, рассматривающий связи Чаренца с русской литературой на фоне эволюции его творческого пути. Подобный подход помогает читателю, с одной стороны, лучше и глубже понять Чаренца с его исканиями и противоречиями; с другой—увидеть ту значительную роль, которую сыграла в его поэтической судьбе русская литература.

Разделив наследие Чаренца с точки зрения его связей с русской литературой на три периода (1912—1917; 1918—1925; 1925—1937), Ананян раскрывает тему в хронологической последовательности, посвящая каждому периоду отдельную главу.

Богатством материала, тонкостью наблюдений и убедительностью выводов выделяется первая глава книги—«На рубеже двух миров», посвященная дооктябрьскому периоду творчества Чаренца. Критик вводит читателя в мир юного поэта с его пер-

выми жизненными и книжными впечатлениями, выявляет истоки его лирики. Проследившая становление символизма Чаренца от «Трех песен грустной левушке», где «символистическая неопределенность и загадочность сочетаются с романтическим столкновением реальности и мечты» (стр. 62) до «Атилла» и «Радуги», Ананян сопровождает тонкий и подробный анализ вскрытием противоречий в творчестве раннего Чаренца, обусловивших впоследствии усиление в его произведениях реалистического начала и отход от символизма.

В первой главе монографии широко привлечен материал русской литературы—ведь в формировании символизма Чаренца большую роль сыграли известные русские поэты. Тонко и ненавязчиво прослежены здесь пути, идущие от раннего Чаренца к Ал. Блоку, Сологубу, Вяч. Иванову, А. Фету и др. Исследуя вопросы литературных влияний, Г. Ананян всякий раз учитывает особенности армянской и русской национальной жизни, характер поэтической индивидуальности самого Чаренца и русских поэтов. Он определяет влияния не по признакам внешнего сходства, а исходит из черт внутренней близости в мировоззрении, общественно-эстетических интересах, чувствах и переживаниях поэтов. Так, развивая тезис о несомненном воздействии на раннего Чаренца Фелора Сологуба, критик показывает, чем именно был обусловлен интерес армянского поэта к Сологубу, раскрывает родство некоторых мотивов их творчества (поэтизация любви и смерти), приводит убедительные примеры заимствования у Сологуба отдельных образов, изобразительных средств. При этом Ананян подчеркивает, что здесь может идти речь лишь о творческой учебе у Сологуба, «о том «луче», который разжег талант юного поэта» (стр. 140). Отметим, кстати, что интересны и доказательны в книге примеры, выявляющие творческие связи юного Чаренца не только с русскими, но и с армянскими классиками (таковы параллели, которые проводит автор между творчеством раннего Чаренца и Ов. Туманяна, стр. 70, 112—113).

Вторая глава—«У истоков социалистического реализма»—охватывает творчество Чаренца с 1918 по 1925 гг. Раскрыв ту огромную роль, которую сыграли в развитии мировоззрения поэта Февральская и Октябрьская революции, Г. Ананян показывает, как годы учебы в Москве, общая литературная атмосфера времени, характеризующаяся страстными поисками новых путей развития советского искусства, идеи Пролеткульта, Лефа и др. группировок сыграли существенную роль в формировании новой эстетической программы Чаренца, отраженной в «Декларации трех» и в «Стандарте». В эти годы Чаренц находится под несомненным воздействием таланта Вл.

Маяковского—его теоретических взглядов и худ. творчества.

Проблема «Чаренц и Маяковский» не раз освещалась в армянском литературоведении, но нередко ршлась односторонне, прямолинейно, лишь в аспекте влияния Маяковского на Чаренца. Г. Анания не подходит к решению вопроса с готовыми мерками: его выводы вытекают из исследования особенностей национально-общественной жизни, формировавшей как Маяковского, так и Чаренца, из закономерностей творческой эволюции каждого поэта. Некоторую общность тем, мотивов и выразительных средств в поэзии Маяковского и Чаренца критик отнюдь не всегда объясняет влиянием. «К революции,—пишет Анания,—Маяковский и Чаренц пришли независимо друг от друга, разными путями, хотя и не без сходных моментов в творчестве» (стр. 197). Точно так же определенную близость чаренцевских «Сомы» и «Ненстовых толп» «Мистерии—Буфф» Маяковского критик объясняет закономерностями развития советской литературы первых послеоктябрьских лет, тем, что и Маяковский, и Чаренц «бзоговорочно приняли революцию, воспринимали действительность под светом Октября» (стр. 187). Что же касается ряда произведений Чаренца, созданных в 1921—1924 г., («Романс без любви», «Позозурна» «Комальманах» и др.), то в них, как показывает исследователь на примерах, были творчески использованы некоторые особенности поэтической манеры Маяковского.

Как художник и как личность Маяковский постоянно находился в сфере пристального внимания армянского поэта, о чем свидетельствуют приведенные в монографии материалы из архива Чаренца. Но творческое влияние Маяковского длилось в поэзии Чаренца недолго. Г. Анания раскрывает суть внутренней полемики Чаренца с Маяковским: «Оценивая значение и величие того, что сделал Маяковский, не считая это уже завоеванным этапом, Чаренц понимал, что советская литература должна стремиться к синтезу современной тематики с более сложными и многообразными средствами художественного выражения» (стр. 236). И—далее: «Творчески усвоив все лучшее, что давала школа Маяковского, армянский поэт требовал отка-

заться от необязательных, хотя и неизбежных заблуждений, от шума и дешевых эффектов в поэзии... и проникнуть во внутренний мир «живого человека», искать «дух времени» в психологии человека» (стр. 250).

Поиски путей создания глубокого, полнокровного современного искусства, ознаменовавшие новый этап в творчестве Чаренца («Эпический рассвет») привели Чаренца к Пушкину и Некрасову. «Пушкин и Чаренц», «Чаренц и Некрасов»—эти вопросы рассматриваются в третьей главе книги, охватывающей творчество Чаренца второй половины 20-х и начала 30-х гг. Чаренц, как показано здесь, творчески воспринял в «Эпическом рассвете» некоторые художественные приемы пушкинской поэзии. Но главным исследователем считает особую живительность и плодотворность пушкинских традиций в формировании новых взглядов Чаренца на роль и сущность искусства, истинного назначения поэта. «Пушкин,—пишет Анания,— был для Чаренца классическим примером художника, чей талант синтезировал характерные черты времени... в человеческой психологии» (стр. 277), он был для Чаренца идеалом поэта, создавшего истинные образцы искусства, имеющие непреходящую ценность.

Раскрывая Чаренцевское понимание и восприятие личности и поэзии Пушкина, Г. Анания широко использует материалы, сохранившиеся в архиве поэта.

Критик рассматривает и переводы Е. Чаренца из русских поэтов. Анализируя их, он исходит из правильных принципов, требую от перевода не буквальной точности, а верности духу оригинала. Хотелось бы, однако, чтобы в исследовании был затронут вопрос и о том, чем именно был обусловлен выбор Чаренцем тех или иных произведений русских авторов для перевода. Ведь у такого поэта, как Чаренц, вопрос выбора первоначальных произведений не мог быть случаен и определялся его общественно-литературными вкусами и пристрастиями.

Монография Г. Анания является первым обширным исследованием, в котором поновому и убедительно раскрыты важные аспекты проблемы «Чаренц и русская литература».

М. ДЖАНПОЛЯДЯН

П. Н. ДЕНИСОВ, В. В. МОРКОВИН, Ю. А. САФЬЯН. Комплексный частотный словарь русской научной и технической лексики, М., Изд. «Русский язык». 1978, 408 стр.

Первыми частотными словарями, отражающими профессиональную специфику употребления лексических средств языка, явились «Частотный словарь общенаучной лексики» под общей редакцией Е. М. Степановой (М., 1970; далее ЧСОЛ) и «Частотный словарь русской технической лексики» Ю. А. Сафьяна, доцента Ленинского

школого педагогического института имени М. Налбандяна, изданный в Ереване в 1971 году (далее ЧСТЛ). Оба эти словаря легли в основу «Комплексного частотного словаря русской научной и технической лексики» П. Н. Денисова, В. В. Морковкина, Ю. А. Сафьяна (М., «Русский язык», 1978, 408 с.; далее КЧС), структура кото-